

МОДАЛЬНОСТЬ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ / MODALITY IN SEMANTIC ASPECT

Семантика неудачи: модальность как конститутивный признак смыслового типа предложения

Т. И. Стексова

Failure semantics: modality as constitutive feature in semantic sentence types

T. I. Steksova

Татьяна Ивановна Стексова – доктор филологических наук, профессор, кафедра современного русского языка и методики его преподавания; Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: steksova@inbox.ru

Статья поступила: 03.02.2026. Принята к печати: 14.03.2026.

В статье предлагается характеристика смыслового типа предложения на основе общего модального значения неудачи. Под неудачей понимается ситуация контролируемого действия субъекта с неконтролируемым результатом (недостижение цели). Рассматриваются компоненты этой ситуации. Отмечается, что способы выражения ситуации неудачи достаточно разнообразны, включают в себя и лексические, и синтаксические средства, что вполне согласуется с утверждением В. В. Виноградова о смешанном лексико-грамматическом характере семантической категории модальности. Данная семантика может выражаться через предикат или актанта. Среди предикатных способов прежде всего выделяются два типа безличного предложения с результативными глаголами с отрицанием (*не получилось, не удалось, не вышло*): безлично-инфинитивная конструкция (*Отправить посылку не получилось у кого*) и безлично-предложная конструкция (*С отправкой посылки не получилось у кого*). Семантика неудачи может быть выражена и двусоставными предложениями. В одних случаях субъект неудачного действия выражается косвенным падежом, а позицию подлежащего занимает существительное, обозначающее цель, ожидаемый результат действия. В других случаях используется двусоставная конструкция с личными результативными глаголами сов. в. с отрицанием: *не смог, не сумел, не справился* и под. Отмечается, что эту семантику может выражать и само существительное *неудача*, которое занимает позицию активно действующего субъекта, а также другие лексические показатели, как, например, наречие *напрасно*. Обсуждается проблема выбора говорящим одной из возможных конструкций выражения неудачи.

Tatyana I. Steksova – Dr. Sci. in Philology, Professor, Department of Modern Russian language and teaching methodology; Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4275-7450

Received: 03.02.2026. Accepted for publication: 14.03.2026.

This article proposes a characterization of a semantic sentence type based on the general modal meaning of failure. Failure is defined as a situation involving a subject's controlled action yielding an uncontrolled result (goal non-attainment). The situation components are examined. The study notes that failure expression means are highly diverse, encompassing both lexical and syntactic devices, which fully aligns with V. V. Vinogradov's assertion regarding the mixed lexico-grammatical nature of the modality semantic category. This semantics can be expressed via the predicate or the actant. Among predicative means, two types of impersonal sentences with negative resultative verbs are primarily distinguished: the impersonal-infinitive construction and the impersonal-prepositional construction. Failure semantics can also be expressed through bipartite sentences. In some instances, the failed action subject is expressed via an oblique case, while the subject position is occupied by a noun denoting the action's goal or expected result. In other instances, a bipartite construction with personal negative resultative perfective verbs is used. The study notes that this semantics can also be conveyed by the noun "failure" itself occupying an active subject position, alongside other lexical indicators such as the adverb "in vain". The problem of speaker choice among possible failure expression constructions is discussed. The study hypothesizes that this choice is conditioned by whom or what the speaker holds responsible for the failure.

Выдвигается предположение, что выбор обусловлен тем, на кого/что говорящий возлагает ответственность за неудачу.

Ключевые слова: русский язык, модальность, смысловой тип, неудача, выбор конструкции

УДК 811.161.1:81'37

Keywords: Russian language, modality, semantic type, failure, construction choice

OECD: 6.020Y

Постановка проблемы. В статье ставится проблема осмысления модальности как конститутивного признака смыслового типа предложения и демонстрации такого пути исследования на примере семантики неудачи. Конкретно ставится задача представить смысловой тип русских предложений с модальной семантикой неудачи.

История вопроса. Историю изучения поставленной проблемы можно видеть в изучении модальности в русской грамматической традиции, в частности, в статье В. В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке», написанной задолго до семантического бума в лингвистике и до сих пор сохраняющей свою актуальность для русского синтаксиса.

Можно перечислять огромное количество научных работ, где модальность является объектом внимания лингвистов. Но широкое в смысловом отношении понимание модальности В. В. Виноградовым было «сужено» в позднейших работах: «термин модальность относят к тому кругу значений, который выражается формами глагольных наклонений и “классическими” модальными глаголами типа хотеть, мочь и т. д.» [Шмелева, 1983, с. 74]. Все другие модальные значения в Грамматике-70 относятся к субъективной модальности, огромная роль в исследовании которых принадлежит Г. А. Золотовой [Золотова, 1973, 1982, 2004], ее ученикам [Никитина, Онипенко, 2022] и другим последователям, например, [Ермакова, 2023].

Развитие семантического синтаксиса, внимание к смысловой организации предложения позволяют с опорой на работу В. В. Виноградова интерпретировать понятие модальности шире как комплекс семантических категорий, в которых проявляются разнообразные субъективные квалификации говорящим описываемых событий, или как «семантическую категорию», которая «находит свое выражение в лексической системе языка и его грамматическом строе» [Виноградов, 1975], что приводит к понятию «смысловые типы предложения».

Методология и методика исследования. Методологически настоящая работа ориентирована на семантический синтаксис и его ключевое понятие «смысловые типы предложения» с опорой на опыт описания смысловых типов русского предложения в отечественном синтаксисе. Из фундаментальных назовем монографии [Арутюнова, Ширяев, 1983], где всесторонне представлены бытийные предложения, и [Стексова, 2002a], где описаны предложения, модус которых включает смысл невольности осуществления ситуации. К такого рода исследованиям можно отнести и работы [Лессонен, 2008; Матханова, 2001; 2013; Плотникова, 2018; Стексова, 2023; Ян, 2024]. Правда, понятие *смысловой тип предложений* авторы названных работ не используют, но очевидно, что в их работах речь идет именно об этом. Теоретическое обоснование понятия *смысловой тип* было предложено в [Шмелева, 1994], затем

уточнено и конкретизировано на примере изъяснительных предложений [Стексова, Шмелева, 2021].

Итак, в соответствии с этим опытом и теорией семантического синтаксиса, смысловой тип предложения – это семантическая модель, которая характеризуется рядом конститутивных признаков. Смысловой тип может быть представлен разными по структуре предложениями (конструкциями), которые объединяются по какому-либо общему для них семантическому критерию, хотя по другому критерию они могут входить в другой смысловой тип.

Особую группу представляют русские предложения, в которых говорящий квалифицирует некое положение дел как неудачу, что позволяет описать их как смысловой тип предложений с семантикой неудачи.

Анализ материала. В качестве предварительного действия обратимся к толкованию ключевого слова этой смысловой сферы – *неудача* – в словарях¹:

НЕУДА́ЧА, -и, ж. Неудачный, неблагоприятный исход какого-л. дела; крушение каких-л. замыслов, планов и т. п.

Неудáча – термин, относящийся к условию или состоянию, не отвечающему желательной или планируемой цели, что можно рассматривать как состояние противоположное успеху или удаче.

*Мы грабим — не стыдись, а ежели что-нибудь и огорчает нас в подобных финансовых операциях, то это только неудача*².

Анализ лексикографических источников показывает, что лексема «неудача» является отглагольным образованием от сочетания глагола с отрицанием «не удаваться». Самым общим значением данного слова можно считать отсутствие положительного результата в процессе достижения целей. Как видим, понятие неудачи напрямую связано с понятием целенаправленной деятельности, неудача – это недостижение поставленной цели в отличие от невольного осуществления, где отражается ситуация, независимая от воли субъекта. Ср. *удачу* и *везение*. Авторская рефлексия показывает, что русский человек различает такие понятия, как **везение** и **удача**: *...Везение – это слепой случай. Шел по улице, бац, кошелек, а в нем два неиспользованных талона на сахар за тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Или: упал спяна на улице, а с тебя только шапку сняли, а ботинки оставили. Вот это везение. А удача – это реализованная возможность. Возможность, понял. А это предусматривает наличие волевого элемента. То есть, везение – это подарок неба, а удача – это уважение неба к трудяге. Недаром говорят: везет дуракам. Про удачу так не говорят...* (Фишман).

Ранее предпринятое нами исследование понятий *удача* и *везение* показало, что для информантов в понимании удачи значимым является целенаправленность деятельности человека и наличие его усилий. Поэтому удачливым называют человека, который «что-то делает для достижения своей цели и у него все получается, человека, умеющего добиваться своей цели (в отличие от неудачника)» [Стексова, 2002б].

Итак, удача понимается как достижение цели, а недостижение цели именуется неудачей. В случае неудачи наблюдается разрыв между намерениями и результатами.

¹ Словарь русского языка: в 4-х т. Москва: Рус. яз.

² Салтыков-Щедрин М. Е. (1986). Дневник провинциала в Петербурге. Москва: Советская Россия.

Присущие этой модели когнитивные сценарии можно интерпретировать через такие компоненты, как ожидание, ошибка, препятствие и последствие.

Как можно интерпретировать ситуацию неудачи? Это ситуация контролируемого действия, но результат не контролируемый, противоположный ожидаемому.

Компоненты ситуации:

- Субъект действия
- Субъект квалификации ситуации
- Цель действия
- Действия
- Обстоятельства, препятствующие достижению цели
- Отрицательный результат действия

Рассмотрим компоненты этой ситуации.

Отметим сразу, что субъект действия и субъект квалификации ситуации могут совпадать и различаться. Говорящий может быть и субъектом действия, не достигшим цели, и сторонним наблюдателем, интерпретирующим результат деятельности субъекта действия. Ср.: *Я как-то пробовала за ним повторить, но не получилось...*³ – *В молодости он хотел гнать бензин из морской воды. Не получилось. Ушлые ребята его обошли, добавляя в бензин речную воду*⁴.

Ю. Д. Апресян предложил формулировку: «цель – это то, что некто хочет (содержание чьего-л. желания) и считает, что может каузировать (результат каузации) с помощью имеющихся в его распоряжении ресурсов» [Апресян, 1974, с. 129]. При этом следует учитывать, что цель отличается от мечты «наличием реальных путей к ее осуществлению» [Жолковский, 1964, с. 70]. Именно поэтому отмечается, что 'цель' – сложный смысл, включающий четыре фундаментальных компонента: 'хотеть', 'считать', 'каузировать' и 'мочь'. О цели говорят тогда, когда человек что-то делает, потому что хочет, чтобы какое-то положение дел начало иметь место. Цель – это некоторая итоговая ситуация, которую субъект хочет каузировать, предполагаемый результат его действий [Богуславская, Левонтина, 2004]. Цель действия не всегда находит свое вербальное выражение, а если выражается, то в виде намерения, желания.

Итак, субъект, поставивший перед собой цель, должен предпринять какие-то действия, приложить усилия для ее достижения. Но усилия могут не привести к желаемому результату, так как достижению цели могут помешать внутренние или внешние препятствия, в таком случае субъект терпит неудачу.

Способы выражения ситуации неудачи достаточно разнообразны, включают в себя и лексические, и синтаксические средства, что вполне согласуется с утверждением В. В. Виноградова, что «семантическая категория модальности в языках разных систем имеет смешанный лексико-грамматический характер» [Виноградов, 1975, с. 57]. Причем исследователь особо отметил важную роль глагольных категорий для выражения значения модальности. В применении к нашему материалу нужно отметить, что семантику неудачи выражают **глагольные формы** сов. в., прош. вр., что вполне ожидаемо, так как неудача – это результат какой-либо деятельности субъекта. Оговоримся, что помимо специализированных («конвенциональных») показателей

³ Савкина Э. Если впрягаюсь, то основательно // Дело (Самара). 2002, 3 мая.

⁴ Салим Мар. Помереть некогда // Бельские просторы. 2018. № 4.

неудачи, существуют и неспециализированные («оказиональные») показатели. Так, на неудачу может указывать отрицание достижения цели действия типа [*искал, но не нашел, [пошел за хлебом, но] не купил его* и т.д. В рамках статьи невозможно представить все разнообразие языковых средств. Остановимся только на некоторых специализированных средствах выражения семантики неудачи.

Прежде всего обнаруживаются предложения с существительным *неудача*, которое занимает позицию активно действующего субъекта: ***Неудача постигла коммунистов только в Финляндии***⁵. *И он стал рассказывать, какая неудача вышла с зарплатой*⁶.

Далее отметим использование безличных форм результативных глаголов сов. вида с отрицанием: *не получилось, не удалось, не вышло. К сожалению, совокупность этих историй успеха не дает нам доступа к информации, у скольких людей ничего не получилось* или *у скольких использование этой стратегии привело к обратному результату — провалу, разорению, проигрышу*⁷. Эти глаголы функционируют в двух типах безличного предложения:

– **безлично-инфинитивная конструкция**: *Отправить посылку не получилось (у кого). Главное, с чем не справился СПС в Думе, — у них не получилось выстроить четко артикулированную правую позицию, которая заставила бы сдвинуться вправо и «Единую Россию», и всех*⁸. Причем в предикативной единице не все компоненты этой конструкции могут быть вербально выражены, так как они названы в контексте. *Дети, лохматые, нечесаные, попытались схватить его за руку, но не получилось*⁹. Нарушения в ходе реализации ситуации и неудача результата могут выражаться и глаголами *удаваться / удался*, которые тоже являются имплицативными, однако их субъект выражается дативом: *В рукопашной схватке ему не удалось обезвредить бандита — оцарапанный шампуром, тот наставил на коммерсанта пистолет*¹⁰.

– **безлично-предложная конструкция**: *С отправкой посылки не получилось (у кого).*

*Очень серьезно настраивался на вторую партию, понимал, что это мой шанс, но, к сожалению, с дебютом не получилось*¹¹. *С квартирами не получилось, и теперь, насколько можно понять, генералы решили заложить в смету ремонт и закупки военной техники*¹². Отметим, что предложная словоформа существительного, даже если существительное не отглагольное (*квартиры*) имеет пропозитивное прочтение. Называние ситуации может замещаться названием ее актанта: *С билетом не получилось* – то есть не получилось купить, достать билет.

⁵ Яковенко И. Счастливая неизбежность // Знание – сила. 2003. № 4. С. 20.

⁶ Каралис Д. Н. Автопортрет: извлечения из дневников 1981–1992 гг. Санкт-Петербург: Геликон Плюс, 1999.

⁷ Непряхин Н. Ю. Анатомия заблуждений: большая книга по критическому мышлению. Москва: Альпина Паблишер, 2022.

⁸ Рыклин А. Пусть игра стоит свеч // Еженедельный журнал. 2003, 8 апреля.

⁹ Петрушевская Л. Маленькая волшебница // «Октябрь». 1996. № 1. С. 3–62.

¹⁰ Шарова Л. Трассовики // Ежедневные новости. 2003, 17 января.

¹¹ Атаров Е. Надеюсь, будет легче... // 64 – Шахматное обозрение. 2004, 15 ноября.

¹² Военная хитрость // Еженедельный журнал. 2003, 28 апреля.

Эти же глаголы могут функционировать и в **двусоставной конструкции**: *Отправка не получилась (у кого); Работа не клеится (у кого)*. Причем, субъект неудачного действия здесь выражается косвенным падежом, а позицию подлежащего занимает существительное, обозначающее цель, ожидаемый результат действия. Такие глаголы с семантикой неудачи, как *получиться, выйти* в двусоставной конструкции дают оценку конечному результату. *Прыжок не получился* – некий субъект совершил прыжок, но не получил желаемого, удовлетворительного результата.

Таким образом, *неудача* здесь получает оценку с позиции хорошо/плохо непосредственно для субъекта, то есть она связана не с констатацией самого факта случившегося (было/не было), а с раскрытием смыслов и интерпретации ситуации. Подлежащее может быть выражено и абстрактными существительными: *Стихи не удалась*. Что касается глагола неудачи *не получиться*, то в двусоставной конструкции он тоже выражает определенную оценку: *Статья у него в этот раз явно не получилась*. Т. е. статью субъект действия написал, но она получилась не такой хорошей, как обычно или как ожидалось.

Семантику неудачи можно выразить и двусоставной конструкцией с личными результативными глаголами сов. в. с отрицанием: *не смог, не сумел, не справился* и под. *Да действительно, я принципиально не стала ни с кем договариваться, а сам он не смог, хоть и пытался*¹³.

Однако возможны такие случаи, когда в двусоставном предложении позицию субъекта занимают существительные, причем объекты и явления, которые данные существительные обозначают, в семантическом плане можно разделить на две группы: внешние по отношению к человеку:

*Не склеилось дело и со строительством жилых домов*¹⁴. Фондан забыт, и все попытки спасти его от забвения, а такие **попытки** предпринимаются вновь и вновь, **терпят крах**¹⁵. Очень скоро **карьера** отца **терпит крах** из-за его неуместной принципиальности¹⁶. Мирные **переговоры** с Центральными державами к февралю 1918 года **зашли в тупик**¹⁷.

и как бы находящиеся внутри его:

*И тут **мысль** Сидорова **зашла в тупик** и забила беспомощно, как муха в стакане*¹⁸.

К лексическим средствам выражения ситуации неудачи можно отнести и **наречия**, такие, как например, наречия *напрасно* в значении неэффективности действия [Зализняк, 2006, с. 117]. Описывая это многозначное наречие, Анна А. Зализняк отмечает, что это значение можно представить следующим образом:

Х производит действие Р

Х хочет, чтобы было Q

Х считает, что Р приведет к Q

Р не приводит к Q

¹³ EVA.RU: сайт. Форум. URL: https://eva.ru/static/forums/103/2004_9/188625.html?ysclid=mubbbpdmxh1785117454

¹⁴ Салтыков С. Четвертый Генеральный План // Столица. 1997, 11 ноября.

¹⁵ Макушинский А. Город в долине: роман // Знамя. 2012. № 5. С. 8–60.

¹⁶ Садулаев Г. Таблетка: роман. Москва: Ad Marginem, 2008.

¹⁷ Кувалдин С. Смутный день календаря // Сноб. 2018, 22 февраля.

¹⁸ Петросян Т. Записка // Трамвай. 1990. № 3. С. 26–27.

Другими словами, субъект для достижения своей цели совершал некое контролируемое им действие, но оно не привело к ожидаемому результату, он потерпел неудачу:

*Напрасно читатель станет искать название оригинала книги — указано только издательство, которому принадлежат права¹⁹. В темноте Почкин метался от дома к дому, звал, колотил... все **напрасно!**²⁰*

В подобных случаях наречие, маркирующее неудачу, может сочетаться только с глаголами несов. в., так как действие не достигает своего предела, в других же значениях это наречие вполне может быть связано с глаголами сов.в. Ср: *Напрасно ты это сказал.*

Кроме того, в русскоязычной культуре присутствует сценарий описания неудачи, который включает устойчивые выражения и обороты, часто используемые для описания подобных ситуаций. Примером могут служить идиомы и фразеологизмы, такие как «терпеть крах», «разбиться о стену», «наступить на те же грабли» и т. д. Одним из ключевых элементов в понимании концептуализации неудачи является метафорический перенос. В русском языке широко используются пространственные метафоры (например, «выйти на ложный путь») и метафоры движения («зайти в тупик»), которые помогают более ясно выразить сложные и абстрактные концепции неуспеха.

Обстоятельства, препятствующие достижению цели, чаще вербально не выражаются, хотя в денотативной ситуации они обязательно присутствуют. Либо эти обстоятельства могут быть названы в контексте:

*Но получить высшее образование у девушек **не получилось**, так как они являлись жительницами другого государства и за образование должны были платить большие деньги²¹.*

Таким образом, в личные конструкции с описываемой семантикой вовлечены помимо существительного *неудача*, существительные, обозначающие внешние или внутренние объекты и явления (*дело, мысль* и др.) и результативные глаголы с отрицанием (*не смог, не сумел*); безличные же конструкции, включающие глаголы сов. вида с отрицанием (*не удалось, не получилось* и др.), представлены двумя подтипами: безлично-инфинитивным и безлично-предложным; значимым представляется для выражения данной семантики наречие *напрасно* и ряд идиом.

Выводы. Итак, в соответствии с мыслью В. В. Виноградова о том, что различия в способах выражения какой-либо модальности связаны с внутренними различиями в ее синтактико-семантических функциях и в ее функционировании [Виноградов, 1975, с. 58], модальная семантика неудачи формирует смысловой тип предложения, реализуемый в серии конструкций. При этом выбор конструкции говорящим обуславливается тем, на кого или на что он возлагает ответственность за неудачу.

Неудача может быть осознана как следствие внутренних или внешних факторов. В первом случае внимание сосредоточивается на способности субъекта контролировать свои действия и исправлять ошибки, во втором – на обстоятельствах, которые могут быть вне контроля агенса, таких как случайности, чужая воля,

¹⁹ Фрумкина Р. Последние свидетели // Отечественные записки, 2003, № 1

²⁰ В ночь на Ивана-Купалу // Трамвай, 1990, № 7.

²¹ Демьянова О. Вот, например // Столица, 1997.06.10

социальные условия и т.д. Эти различия находят свое отражение на языковом уровне через различные выражения и обороты речи, используемые для описания ситуаций неудач. Если ответственность за неудачу возлагается самим субъектом действия или наблюдателем на производителя действия, то чаще выбираются личные конструкции с глаголами типа: *не смог, не сумел* и под. Конечно, не смочь что-либо сделать можно и из-за объективных внешних препятствий, но в таком случае они должны быть обязательно вербализованы. А вот выбор безличных конструкций всегда предполагает внешние препятствия. Анна А. Зализняк предлагает упорядочить цепочку глаголов по мере уменьшения доли ответственности субъекта за конечный результат следующим образом: *смог – удалось – получилось – вышло – сложилось – случилось* [Зализняк, 2006, с. 226]. Использование глаголов *получилось, вышло, сложилось* выражает идею, что результат не полностью контролируется субъектом. Функционирование наречия *напрасно* чаще связано с наличием внешних препятствий, так же, как и использование существительного *неудача* в субъектной позиции. Говорящий как бы одушевляет его, приписывает ему возможность действовать самостоятельно, независимо от человека.

Предварительные наблюдения показывают, что в ситуации неудачи русскоязычный говорящий охотнее возлагает ответственность за недостижение цели на внешние обстоятельства. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что по данным статистики НКРЯ *не смог* имеет частотность 21,46, а *не удалось* – 32,73. Требуются дальнейшие исследования выбора говорящим из всего многообразия доступных средств определенного способа выражения неудачи (может быть, путем психолингвистического эксперимента), т. к., как представляется, семантика неудачи является достаточно важным компонентом русской языковой картины мира.

Литература

Апресян, Ю. Д. (1974). *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. Москва: Наука.

Арутюнова, Н. Д., & Ширяев, Е. Н. (1983). *Русское предложение. Бытийный тип: (структура и значение)*. Москва: Русский язык.

Богуславская, О. Ю., & Левонтина, И. Б. (2004). Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке. *Вопросы языкознания*, 2, 68–88.

Виноградов, В. В. (1975). О категории модальности и модальных словах. *Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: избранные труды* (с. 53–87). Москва: Наука.

Ермакова, Л. В. (2023). Модальность возможности и необходимости в новостном и информационно-аналитическом типах дискурса СМИ. *Теоретическая и прикладная лингвистика*, 9(3), 27–42. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_27

Жолковский, А. К. (1964). Лексика целесообразной деятельности. *Машинный перевод и прикладная лингвистика: сборник статей. Вып. 8* (с. 67–103). Москва: Изд-во МГПИИЯ.

Зализняк, А. А. (2006). *Многозначность в языке и способы ее представления: монография*. Москва: Языки славянских культур.

Золотова, Г. А. (1973). *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука.

Золотова, Г. А. (1982). *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: Наука.

Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., & Сидорова, М. Ю. (2004). *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова.

Лессонен, Н. В. (2008). *Высказывания с семантикой вынужденного действия в современном русском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет.

Матханова, И. П. (2001). *Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена.

Матханова, И. П. (2013). Высказывания со значением поведения: принцип естественной классификации и анализ нецентральных элементов системы. *Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации* (с. 227–247). Москва: Языки славянской культуры.

Никитина, Е. Н., & Онипенко, Н. К. (2022). Семантика и прагматика высказываний с эмотивными предикатами. *Сибирский филологический журнал*, 2, 271–285. <https://doi.org/10.17223/18137083/79/19>

Плотникова, А. М. (2018). Предложения с семантикой превращения в русском языке. *Фортуназовские чтения в Карелии: сборник докладов международной научной*

References

Apresyan, Yu. D. (1974). *Lexical semantics: synonymous means of language*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Arutyunova, N. D., & Shiryayev, E. N. (1983). *The Russian offer. Being type: (structure and meaning)*. Moscow: Russian Language Publ. (In Russian)

Boguslavskaya, O. Yu., & Levontina, I. B. (2004). The meanings of 'cause' and 'purpose' in natural language. *Questions of Linguistics*, 2, 68–88. (In Russian)

Ermakova, L. V. (2023). The modality of opportunity and necessity in the news and information-analytical types of media discourse. *Theoretical and Applied Linguistics*, 9(3), 27–42. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_27 (In Russian)

Lessonen, N. V. (2008). *Statements with the semantics of forced action in modern Russian: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ. (In Russian)

Matkhanova, I. P. (2001). *Statements with the semantics of the state in modern Russian: dissertation for the degree of Doctor of Philology*. St. Petersburg: Herzen University Publ. (In Russian)

Matkhanova, I. P. (2013). Statements with the meaning of behavior: the principle of natural classification and analysis of non-central elements of the system. *Problems of functional grammar: the principle of natural classification* (pp. 227–247). Moscow: Languages of Slavic Culture Publ. (In Russian)

Nikitina, E. N., & Onipenko, N. K. (2022). Semantics and pragmatics of statements with emotive predicates. *Siberian Philological Journal*, 2, 271–285. <https://doi.org/10.17223/18137083/79/19> (In Russian)

Plotnikova, A. M. (2018). Sentences with semantics of transformation in Russian. *Fortunatov readings in Karelia: collection of reports of the International scientific conference, 2018, 10–12 September, Petrozavodsk: in 2 parts. Part 1* (pp. 82–84). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ. (In Russian)

Shmeleva, T. V. (1983). V. V. Vinogradov's thoughts on modality and further study of this semantic category. *Zbornik rabova instituta za strane jezike i knjizevnosti*, 5, 84–98. (In Russian)

Shmeleva, T. V. (1994). Encyclopedia of semantic types of sentences. The experience of understanding the problem and systematizing the facts. *System analysis of significant units of the Russian language: semantic types of sentences: interuniversity collection. Part 1* (pp. 4–17). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ. (In Russian)

Steksova, T. I. (2002a). *The semantics of involuntariness in the Russian language: meaning, expression, functions*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ. (In Russian)

Steksova, T. I. (2002b). "Udacha" and "Vezenie" in the dictionary and linguistic consciousness. *Problems of interpretation in Linguistics and Literary studies: Materials of the Third Philological Readings, 2002, 28–29 November*.

конференции, 10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск: в 2 ч. Ч. 1 (с. 82–84). Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет.

Стексова, Т. И. (2002а). *Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета.

Стексова, Т. И. (2002б). «Удача» и «везение» в словаре и языковом сознании. *Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Третьих Филологических чтений, 28–29 ноября 2002 года. Т. 1: Лингвистика* (с. 73–77). Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета.

Стексова, Т. И. (2023). Высказывания с семантикой подконтрольности. *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 78–88. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-2\(7\)-78-88](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-2(7)-78-88)

Стексова, Т. И., & Шмелева, Т. В. (2021). Русское изъяснительное предложение как смысловой тип. *Сибирский филологический журнал*, 3, 272–286. <https://doi.org/10.17223/18137083/76/20>

Шмелева, Т. В. (1983). Мысли В. В. Виноградова о модальности и дальнейшее изучение этой семантической категории. *Zbornik radova instituta za strane jezike i knjizevnosti*, 5, 84–98.

Шмелева, Т. В. (1994). Энциклопедия смысловых типов предложения. Опыт осмысления проблемы и систематизации фактов. *Системный анализ значимых единиц русского языка: смысловые типы предложения: межвузовский сборник. Ч. 1* (с. 4–17). Красноярск: Красноярский государственный университет.

Ян, Ч. (2024). Модальность интенсивности в свертхтексте русского коронавирусного социального плаката. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*, 3(82), 122–132. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2024.3.122>

Vol. 1: *Linguistics* (pp. 73–77). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ. (In Russian)

Steksova, T. I. (2023). Statements with control semantics. *Verba. North-Western Linguistic Journal*, 2(7), 78–88. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-2\(7\)-78-88](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-2(7)-78-88) (In Russian)

Steksova, T. I., & Shmeleva, T. V. (2021). The Russian explanatory sentence as a semantic type. *Siberian Philological Journal*, 3, 272–286. <https://doi.org/10.17223/18137083/76/20> (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1975). About the category of modality and modal words. *Vinogradov V. V. Studies on Russian grammar: selected works* (pp. 53–87). Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Yang, Ch. (2024). The modality of intensity in the supertext of the Russian coronavirus social poster. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 3(82), 122–132. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2024.3.122> (In Russian)

Zaliznyak, A. A. (2006). *Ambiguity in language and ways of its representation: monograph*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (In Russian)

Zholkovsky, A. K. (1964). Vocabulary of expedient activity. *Machine translation and applied linguistics: a collection of articles. Issue 8* (pp. 67–103). Moscow: MGPIA Publ. (In Russian)

Zolotova, G. A. (1973). *An essay on the functional syntax of the Russian language*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Zolotova, G. A. (1982). *Communicative aspects of Russian syntax*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., & Sidorova, M. Y. (2004). *The communicative grammar of the Russian language*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian)

Для цитирования:

Стексова, Т. И. (2026). Семантика неудачи: модальность как конститутивный признак смыслового типа предложения. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(19), 9–18. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-9-18](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-9-18)

For citation:

Steksova, T. I. (2026). Failure semantics: modality as constitutive feature in semantic sentence types. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(19), 9–18. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-9-18](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-9-18) (In Russian).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.